

«ДАЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА» УДАЛЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ

Розинская Н.А., Розинский И.А.¹

Аннотация

Ускоренная карантином 2020 г. трансформация технологических процессов во многих отраслях экономики, в частности, рост удаленной занятости, в наиболее явном виде происходит в крупнейших городах. В статье приводятся аргументы в пользу гипотезы, что в силу отечественных социально-экономических реалий (сложившийся тип расселения, структура и размеры собственности на недвижимость, уровень доходов) развитие удаленной занятости в России с большой вероятностью приведет к тому, что соотношение времени, проводимого россиянином в «первом» (городская квартира) и «втором» (дача) доме, сместится в сторону «второго дома» – дачи. Анализируются факторы, способствующие такому смещению, с особым упором на реальные последствия проводимой государством политики. Источниками данных послужили публикации Росстата, содержащие данные по районам и сельским населенным пунктам Владимирской области, а также данные сайта департамента ЖКХ этого региона. Проведенный авторами на примере Владимирской области расчетный анализ показал, что государственные программы развития сельских территорий в Центральной России фактически ведут к росту интенсивности использования дач, при этом процесс депопуляции сельских территорий не останавливается, а давление на муниципальные бюджеты усиливается. На базе проведенного анализа формулируются предложения о том, как отмеченный тренд к росту интенсивности использования дач может быть полезен для содействия развитию сельских районов.

Ключевые слова: удаленная занятость; сезонные миграции; региональная экономика.

JEL: H31; R14; R23

Вызванная карантином трансформация технологических процессов, в частности, рост удаленной занятости, может стать фактором, который усилит два важных для нашей страны демографических тренда. Один из них – постепенный сдвиг населения в зоны с более благоприятным кли-

¹ Розинская Наталья Анатольевна – кандидат экономических наук, экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Адрес: 119234, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 46. E-mail: rozinskaya@econ.msu.ru
Розинский Иван Анатольевич – доктор экономических наук, экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

матом (подробнее см.: Розинская, Розинский, 2019; Розинский, 2020). Второй – являющийся предметом настоящей статьи – развитие характерной для России маятниковой миграции городского населения и увеличение времени, проводимого жителями крупнейших российских городов в своих «вторых домах» – на дачах.

Развитие удаленной занятости

Рост удаленной занятости – главный на сегодняшний день ответ мировой экономики на кризис, вызванный пандемией коронавируса и мерами по борьбе с ней – локдаунами, социальным дистанцированием и ограничением присутствия на рабочих местах. О стремлении увеличить возможности для удаленной работы своих сотрудников сообщили 83% компаний, опрошенных в ходе исследования Всемирного экономического форума; в России этот показатель составил 80,6% (World Economic Forum, 2020, р. 14, р. 99). До 44% рабочей силы в мире, согласно данному исследованию, теоретически может быть занято удаленно (Ibid., р. 16).

Оценка потенциала удаленной занятости в силу очевидной актуальности проблемы стала в 2020 г. предметом большого количества исследований в разных странах мира. В работе (Dingel, Neiman, 2020) делается вывод, что 37% рабочих мест в США может быть переведено на удаленный режим, т.е. работа может полностью выполняться из дома. Речь при этом идет о более высокооплачиваемых рабочих местах: на них приходится непропорционально большая доля от суммарной величины заработных плат в стране (46%). Авторы, однако, оговаривают, что их оценка представляет собой верхнюю планку: многие виды работ выполнять из дома возможно, но – во всяком случае, на данном этапе – менее эффективно, чем на рабочем месте (например, работу школьного учителя). По оценкам, содержащимся в (Bick, Blandin, Mertens, 2020), доля тех, кто фактически работал удаленно весной 2020 г., от числа тех, кто потенциально имел такую технологическую возможность, составила 71,7%.

В работе Гарроте Санчес и др. (Garrote Sanchez et al., 2020) подчеркивается корреляция между уровнями дохода и образования, с одной стороны, и возможностями удаленной занятости, с другой. Важнейшим фактором выступает также степень доступности интернета. На материале европейских и нескольких крупных развивающихся экономик (Бразилии, Индии, Мексики и Турции) авторы показали, что наибольшие возможности для удаленной занятости существуют в наиболее развитых регионах этих стран, чаще всего в столичных. К аналогичным выводам пришли в результате проведенного на основании анализа данных по 53 странам исследователи М. Хатаяма, М. Виоллаз и Х. Винклер (Hatayama, Viollaz, Winkler, 2020). В работе Ч. Готтлиба, Я. Гробовсека и М. Пошке потенциал удаленной занятости в городах развитых стран оценивается в 40% (Gottlieb, Grobovsek, Poschke, 2020).

Чем выше средний уровень дохода жителей города, чем более постиндустриальный характер носит его экономика, тем большая доля работ

может выполняться из дома. В США коэффициент корреляции между оценочной долей потенциально переводимых на удаленный режим рабочих мест в городе и медианным доходом его домохозяйств составляет 0,53, а между оценочной долей потенциально переводимых на удаленный режим и долей в населении лиц, закончивших колледж, – 0,71 (Dingel, Neiman, 2020, p. 5).

Когда к лету 2020 г. прошел «первый шок» от перехода на удаленный режим, в исследованиях начали появляться предположения о том, что этот переход может оказаться не только вынужденной, но и целесообразной мерой, позволяющей увеличить производственную эффективность и/или улучшить условия труда. Похоже, бизнес и работники «распробовали» удаленную занятость. Так, в исследовании, проведенном McKinsey Global Institute (McKinsey, 2020), выяснялась разница между максимальным объемом работы, который теоретически возможно перевести в удаленный режим, и тем объемом, который можно выполнять удаленно без потери эффективности. Исследование охватывает шесть развитых стран (США, Великобританию, Германию, Францию, Испанию и Японию) и три крупные развивающиеся (Китай, Мексику и Индию). В развитых странах без потери эффективности удаленно может выполняться работа, на которую приходится примерно 30% общего рабочего времени (33% в Великобритании, 30% в Германии, 29% в США и Японии, 28% во Франции и 26% в Испании). При этом теоретический максимум удаленной работы, т.е. допускающий определенную потерю эффективности, значительно больше – от 36% в Испании до 46% в Великобритании. Лидерство Великобритании вызвано, очевидно, высокой долей в ее экономике финансовых и бизнес-услуг. В трех развивающихся странах показатели заметно ниже: без ущерба для производительности там может выполняться работа, составляющая 12% (Индия), 16% (Китай) и 18% (Мексика) общего рабочего времени.

Оценивая также потенциал частичной удаленной занятости, исследование McKinsey Global Institute показало, что три и более дня в неделю могут эффективно работать удаленно 27% рабочей силы в Германии, 26% в Великобритании, 22% в США и Японии, 21% во Франции и 18% в Испании; от одного до двух дней в неделю – 15% в Германии, 22% в Великобритании, 17% в США и Японии, 19% во Франции и 18% в Испании. В Китае, Мексике и Индии показатели в среднем в 2–3 раза ниже. Опрос 800 руководителей корпораций по всему миру выявил, что 38% из них ожидают, что работники в период после пандемии будут работать вне офиса два рабочих дня и менее, и лишь 19% считают, что удаленная работа будет занимать большую часть рабочего времени сотрудников (от трех дней). Иными словами, в целом ожидается распространение гибридной модели, сочетающей частичную удаленную и офисную работу (1–2 дня дома и 3–4 дня в офисе).

Ряд оценок потенциала удаленной занятости был сделан и для России. Согласно исследованию ВЭФ, в странах, принадлежащих к верхнему сегменту средней группы, к которому относится и Россия, удаленно может выпол-

няться 25% работ, а с поправкой на степень доступности интернета – 17,8% (World Economic Forum, 2020, p. 16). В исследовании (Gottlieb, Grobovsek, Poschke, 2020) показано, что доля занятости в российских городах, которая может быть переведена в удаленный режим, составляет около 30%.

В ряде заявлений российских банков – крупных работодателей для офисных работников – звучали похожие цифры ожидаемого после завершения пандемии распространения постоянной или частичной удаленной занятости, которая предположительно может затронуть порядка 30% персонала. Если переход на исключительно удаленный режим работы в период после пандемии может носить не столь массовый характер, то широкое распространение частично удаленного режима – например, присутствие в офисе два-три дня в неделю из пяти – представляется высоковероятным. Для сотрудников такой режим будет означать более свободный рабочий график, позволяющий лучше распоряжаться своим временем, а для работодателя – возможность благодаря посменной работе нескольких человек на одном рабочем месте сократить расходы на офисные помещения. Таким образом, оценки российских управленцев не сильно отличаются от среднемировых.

Итак, перспективы развития удаленной занятости в России, как и в других странах мира, особенно актуальны для жителей крупнейших городов: именно там наибольшая концентрация отраслей, технологически лучше приспособленных к удаленному режиму работы (финансы, страхование, юридические услуги и другие виды постиндустриальной занятости).

Опыт апреля-мая 2020 г. наглядно показал, что работа из дома вызывает потребность в более просторном жилье, ведь квартира (или дом) оказывается и собственно домом, и офисом. В Москве и Петербурге – главных офисных городах страны – просторное жилье очень дорого и едва ли по карману подавляющему большинству потенциальных удаленных работников. Показатель RPP (room per person, количество комнат на одного человека), составляющий в странах G7 1,72, в России меньше единицы, поэтому как системное решение развитие удаленной занятости на базе городских квартир у нас проблематично.

В этой ситуации доступным выходом для многих оказывается дача. Ведь именно в крупнейших российских городах, прежде всего в Москве, находится ядро российских «дачевладельцев»².

Рост интенсивности использования дач

Термин «дача» употребляется нами обобщенно, в значении «дом в сельской местности либо в пригороде, могущий служить для собственника

² Развитие удаленной занятости в России, конечно, нельзя сводить только к увеличению «дачной сферы» жизни жителей двух столиц. Если можно удаленно работать (и получать «московскую» зарплату), живя на даче в тверской или костромской деревне, то почему нельзя делать то же самое, будучи жителем Твери или Костромы? Речь, таким образом, вполне может идти о движении к общенациональному рынку труда. Данная тема очень интересна, но требует отдельного исследования, выходящего за рамки настоящей работы.

и/или членов его семьи вторым жильем». Такое определение позволяет отнести к анализируемому явлению не только дачи в узком смысле слова (дома на дачных, садовых и т.п. участках), но и коттеджи, а также купленные горожанами дома в деревнях, используемые для временного проживания либо рекреации. Соответственно, «дачники» – это горожане, зарегистрированные (прописанные) в городе, но имеющие недвижимость в сельской местности и проводящие там какое-то время – от нескольких дней в году до постоянного проживания.

Дача – специфически российский феномен, сложившийся еще в дореволюционной России и имеющий, таким образом, более чем столетнюю историю. В советское время активное развитие садово-огородных товариществ происходило в 1950–1970-е гг. и позднее. В конце 1980-х и окончательно в 1990-е гг. были сняты ограничения на строительство домов на земельных участках, в результате чего начался процесс трансформации целого ряда сельских поселений (в первую очередь в зонах, примыкающих к большим городам) в преимущественно дачные поселки. По мере исчерпания резерва дешевых пригородных участков дачная зона распространялась все дальше от больших городов, постепенно меняя образ жизни малых населенных пунктов, куда доходила эта волна.

В настоящее время наша страна наряду с Финляндией является мировым лидером по распространенности «вторых сельских домов». Т. Нефедова и ее коллеги (Нефедова и др., 2016) говорят о двудомном образе жизни россиян с постоянными возвратными миграциями между городом и сельской местностью. По их оценкам, дачный дом имеет не менее одной трети всех российских семей и не менее половины городских семей.

Русская дача стала предметом как отечественных, так и иностранных исследований (Зиятдинов, 2014; Lowell, 2003; Caldwell, 2011). А. И. Трейвиш говорит даже о новой области знания, находящейся на стыке экономической географии, социологии и экономики – о «дачеведении» (Трейвиш, 2014). В работах, выполненных отечественными учеными, феномен российских дач (вторых сельских домов) рассмотрен в сравнении с практикой других стран, проведено их изучение как социального явления, выполнена типология по удаленности и видам загородного жилья (см.: Аверкиева, Нефедова, 2016; Бурдяк, 2013; Махрова и др., 2012; Михеева, 2012; Нефедова, 2014; Нефедова и др., 2015; Покровский, 2020).

Для российских дач характерна высокая территориальная концентрация: в 13 регионах, где находятся крупнейшие города страны, сосредоточено 50% всех садовых товариществ – наиболее массового типа дачного жилья россиян (Махрова, 2015). 40% общего числа владельцев дачных домов в России – жители городов-миллионников, прежде всего Москвы и Петербурга; оценка численности московских дачников с членами семей – не менее 5 млн человек (Нефедова и др., 2016, с. 55; с. 321). Загородные владения москвичей и петербуржцев образуют обширные дачные зоны, охватывающие, помимо Подмосковья и Ленобласти, несколько соседних со столицами регионов и смыкающиеся между собой на юге Псковской и Новгородской областей.

Главное отличие российского (дачного) типа загородного жилья от западного – ярко выраженная сезонность использования, объясняемая несколькими причинами. Во-первых, сохранение института регистрации (прописки): люди боятся потерять прописку в Москве и других крупных городах, не будучи уверенными, что они либо их дети всегда смогут туда вернуться. Во-вторых, плохая инфраструктурная обустроенность многих мест за пределами крупнейших городов страны, слабое развитие сферы услуг, состояние школ и медицины, несопоставимое с уровнем, достигнутым в Москве и Петербурге. Поэтому семьи с детьми школьного возраста обычно не готовы массово перейти к постоянному проживанию на дачах. Наконец, климат на большей части территории нашей страны требует для проживания зимой гораздо больших вложений в загородные дома, чем в большинстве европейских стран. Многие россияне не могут себе этого позволить.

Таким образом, режим возвратных миграций, представляющий важную российскую особенность, скорее всего, в обозримом будущем сохранится. При этом, однако, в силу развития удаленной занятости соотношение времени, проводимого в «первом» и «втором» домах, может существенно измениться.

Ряд признаков указывает на то, что это соотношение уже меняется. По данным отчета аналитиков сервиса «Авито Недвижимость», спрос на покупку загородной недвижимости, измеряемый числом запрошенных контактов продавца на электронной платформе, в России в июле-сентябре 2020 г. оказался на 49% больше, чем годом ранее. За третий квартал 2020 г. загородные объекты в среднем по стране подорожали на 7%. Наибольший рост спроса пришелся на дома, предполагающие возможность круглогодичного проживания, при этом не очень дорогих³. По данным агентства «Инком-Недвижимость», с января по август число сделок на подмосковном рынке коттеджей выросло на 12%, а в сентябре-октябре – на 36%. Спрос на услуги по ремонту дачных домов вырос в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 78%⁴. По данным Аналитического центра ЦИАН, предложение дач не успевает за выросшим спросом: в Подмосковье число лотов на продажу в сегменте до 10 млн рублей в марте 2021 г. уменьшилось по сравнению с мартом 2020 года на 26%⁵. Косвенно об увеличении интенсивности использования дач свидетельствует наблюдавшийся в 2020 г. рост продаж постельного белья, морозильных камер, измельчителей мусора, пуховиков и зимних курток⁶.

Увеличению времени, проводимого жителями крупных городов Центральной России на дачах, способствуют, помимо роста удаленной занятости, еще два мощных фактора: изменение климата в сторону потепления и реализация государственной программы развития сельских территорий.

³ URL: <https://realty.rbc.ru/news/5f855f6b9a79476336e30ae0> (дата обращения: 17.12.2020).

⁴ URL: <https://www.rbc.ru/society/19/03/2021/60532f7f9a79476d7cf3081b> (дата обращения: 24.03.2021).

⁵ URL: <https://realty.rbc.ru/news/6048fbca9a79475a0b9eab2d> (дата обращения: 04.04.2021).

⁶ См.: Осиновская И. Город подсел на дачу // Ведомости. – 15.12.2020. – С. 12.

В четырех из 10 регионов России, формирующих дачные зоны двух столиц, длительность климатической зимы за период с 1990 по 2020 г. уменьшилась более чем на месяц, а еще в четырех – на полмесяца (см. табл. 1). Дальнейшее снижение длительности климатической зимы будет означать – в силу отмеченной сезонности использования – более интенсивное использование дач.

Таблица 1

Изменение продолжительности климатической зимы в регионах Центра и Северо-Запада России, дни

№ п/п	Регион	Метеостанция наблюдения	Период климатической зимы*							2019/ 2020 к 1989/ 1990
			1989/ 1990	1994/ 1995	1999/ 2000	2004/ 2005	2009/ 2010	2014/ 2015	2019/ 2020	
1	Московская обл.	Коломна	127	135	147	137	112	97	89	-38
		Можайск	120	140	145	139	110	97	88	-32
2	Смоленская обл.	Смоленск	120	147	144	135	108	95	82	-38
3	Калужская обл.	Сухиничи	103	101	145	137	109	101	88	-15
4	Тульская обл.	Плавск	94	135	145	132	110	112	88	-6
5	Рязанская обл.	Павелец	109	135	148	135	113	113	102	-7
6	Ярославская обл.	Переславль-Залесский	122	132	146	136	112	97	89	-33
7	Тверская обл.	Бологое	121	155	145	139	111	97	102	-19
8	Новгородская обл.	Старая Русса	120	133	135	134	111	96	79	-41
9	Псковская обл.	Гдов	115	150	136	135	107	94	100	-15
10	Ленинградская обл.	Белогорка	115	151	137	136	111	96	101	-14

Примечание: *Климатическая зима – у синоптиков период, когда среднесуточные температуры устойчиво держатся (более пяти дней) ниже 0 °С.

Источник: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/646381> (дата обращения: 04.04.2021).

Госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий», в рамках которой в течение ближайших нескольких лет планируется потратить 1,5 трлн руб., ставит целью повышение благосостояния сельских жителей. Независимо от того, насколько успешной окажется госпрограмма, можно уверенно ожидать ее заметное положительное влияние на «дачный аспект» жизни сельских территорий. Программа предусматривает устранение либо смягчение именно тех факторов, которые выступают ограничителями длительного и/или частого пребывания горожан «на даче» – плохого состояния дорог, низкого качества интернета и недостаточной газификации.

По асфальтированным дорогам в хорошем состоянии добираться на дачу сегодня может только четверть их владельцев. Фактор транспортной доступности во многом определяет распространенность дач в том или

ином районе: дешифровки космических снимков показывают «протуберанцы» дачных владений, тянущихся вдоль отходящих от Москвы и Петербурга основных транспортных магистралей, связывающих две столицы с центрами соседних областей. Характерное для ряда сельских районов отсутствие надежной связи с интернетом фактически блокирует развитие там удаленной занятости. Соответственно, реализация мероприятий госпрограммы (доведение до 95% доли сельских поселений, имеющих доступ к интернету, строительство 2600 км автомобильных дорог с твердым покрытием и 1500 км распределительных газовых сетей) упростит для жителей крупных городов дачный образ жизни и, следовательно, увеличит, особенно с учетом развития удаленных форм занятости, общее время, проводимое ими «на даче». Вновь построенные и реконструированные платные дороги (Москва–Дон, Москва–Петербург, в ближайшей перспективе – Москва–Казань) позволят значительно быстрее добраться даже до сравнительно отдаленных «фазенд», расположенных в Тверской, Новгородской, Тульской и других областях.

Особую роль с учетом климатических условий нашей страны играет газификация. Магистральным газом, который позволяет относительно недорого отапливать дом и использовать его для постоянного проживания, в настоящее время обеспечено только 17% дачных домов. Результаты проведенного авторами на примере Владимирской области анализа того, в какой степени газификация будет способствовать интенсивности использования дач, а не только (и, возможно, не столько) удержанию постоянного сельского населения, представлены в Таблице 2. В каждом районе области были выделены сельские населенные пункты (СНП), попавшие в какую-либо из двух реализуемых в этом регионе программ газификации, и указано общее количество домовладений в районе, которые предполагается газифицировать (столбец 1). Затем по каждому СНП взяты данные по численности постоянного населения согласно переписи 2010 г. и сгруппированы по районам (столбец 2). Поскольку программа газификации оперирует количеством не жителей, а домохозяйств, для сопоставления необходимо перевести количество постоянных жителей в количество домохозяйств. Перевод осуществлен путем деления числа постоянных жителей на средний для сельских районов Владимирской области размер домохозяйства (2,4 человека); его результаты представлены в столбце 3. В столбце 4 показано соотношение числа газифицируемых домохозяйств и расчетного числа домохозяйств постоянных жителей. Данные показывают, что процесс превращения сельских поселений в дачные поселки зашел достаточно далеко: в газифицируемых населенных пунктах Александровского, Гороховецкого, Камешковского, Киржачского, Муромского и Судогодского районов основная часть домохозяйств представлена дачниками. Так как, скорее всего, не все 100% постоянных жителей выразили готовность газифицировать свои дома и нести связанные с этим расходы, эти данные представляют собой максимальные оценки доли домохозяйств постоянных жителей – в реальности доля дачников еще выше.

Таблица 2

Газификация домохозяйств в сельских населенных пунктах Владимирской области

№ п/п	Административно-территориальный район Владимирской области	Оценочное кол-во домовладений, подлежащих газификации по данным Программ газификации Владимирской обл. (2019–2023 гг. и 2021–2025 гг.)	Число жителей в сельских населенных пунктах (СНП), подлежащих газификации, по данным переписи населения 2010 г.	Кол-во домохозяйств в СНП, расчетно, $K=1/2,4$, по данным переписи населения 2010 г.	Соотношение газифицируемых домохозяйств и домохозяйств с постоянными жителями при среднем размере домохозяйства (2,4 человека), ст. 1/ст. 3
		1	2	3	4
1	Александровский	3 895	3 688	1 537	2,5
2	Вязниковский	4 032	7 406	3 086	1,3
3	Гороховецкий	333	283	118	2,8
4	Гусь-Хрустальный	2 225	6 008	2 503	0,9
5	Камешковский	2 299	1 650	688	3,3
6	Киржачский	5 175	3 622	1 510	3,4
7	Ковровский	904	2 050	855	1,1
8	Кольчугинский	905	1 186	495	1,8
9	Меленковский	3 287	4 193	1 748	1,9
10	Муромский	577	572	239	2,4
11	Петушинский	1 213	2 559	1 067	1,1
12	Селивановский	317	860	359	0,9
13	Собинский	3 236	4 614	1 923	1,7
14	Судогодский	1 869	2 189	913	2,0
15	Суздальский	727	1 892	789	0,9
16	Юрьев-Польский	1 785	2 415	1 007	1,8

Источник: Расчеты авторов по данным Росстата и сайта департамента ЖКХ Владимирской области.

«Дачный фактор» в жизни регионов

Интенсификация дачной жизни в окружающих две столицы преимущественно нечерноземных регионах с большой вероятностью будет происходить на фоне депопуляции сельских районов. Во всех соседствующих с Подмосковьем и Ленобластью регионах имеет место сокращение численности сельского населения, причем в ряде областей (Новгородской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тверской) оно носит драматический характер (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности сельского населения регионов Центра и Северо-Запада, человек

Область	Численность постоянного сельского населения на 01 января										Сокращение численности в %, 2000–2020 гг.
	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Владимирская	317.5	325.7	326.7	315.5	311.9	308.2	304.9	301.0	297.0	295.5	-6.9%
Калужская	274.0	257.2	251.7	242.0	240.5	241.0	243.1	242.9	242.6	242.1	-11.7%
Московская	1359.1	1331.4	1391.4	1315.9**	1330.5	1346.8	1360.5	1379.8	1408.3	1432.8	5.4%
Рязанская	404.8	363.3	340.2	329.4	326.5	322.7	319.3	315.6	310.4	308.2	-23.9%
Смоленская	327.2	300.3	273.8	270.1	270.4	268.7	266.0	266.6	265.3	263.5	-19.5%
Тверская	423.1	381.4	348.7	332.3	326.1	320.6	315.9	311.0	304.8	300.7	-28.9%
Тульская	325.7	297.3	318.3	355.5*	382.6*	380.8	378.5	376.1	372.3	369.1	-5.1%*
Ярославская	275.0	248.6	229.6	231.2	232.1	232.6	232.5	230.6	231.9	230.6	-16.1%
Ленинградская	568.2	568.2	582.8	619.2	629.0	636.5	644.4**	656.7**	659.0**	615.6**	8.3%
Новгородская	219.0	199.4	188.9	183.8	180.3	179.6	178.8	176.0	172.1	169.9	-22.4%
Псковская	274.6	236.7	205.8	195.8	192.6	190.5	188.0	185.4	181.9	182.4	-33.6%

Примечания: * в Тульской области в 2013 и 2014 гг. имело место увеличение численности сельского населения по административным причинам (изменение статуса населенных пунктов) суммарно почти на 60,0 тыс. человек; сокращение численности в 2000–2020 гг. показано с учетом этой поправки.

** В Московской области в 2012 г. численность сельского населения сократилась на 129,4 тыс. человек по административным причинам (изменение статуса населенных пунктов), а в Ленинградской области в силу тех же причин в 2016–2019 гг. – на 114 тыс. человек.

Источник: Отчет в ЕМИСС по данным Росстата. URL: <https://fedstat.ru/>; <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 4.04.2021).

Таким образом, с одной стороны, идет процесс сокращения численности постоянного сельского населения, а с другой – оставляемые сельскими жителями дома в экологически привлекательных местах скупают дачники из городов. В одних населенных пунктах они образуют вкрапления в редееющее местное население, в других постоянных жителей почти нет, а деревни превратились в сугубо дачные поселения.

Число дачников и, следовательно, соотношение их численности с численностью постоянного сельского населения не фиксируется статистикой (в том числе в силу размытости самого понятия «дачник»). Тем не менее тот факт, что в летние месяцы население многих районов в соседних с Московской областях увеличивается в несколько раз, заметен невооруженным глазом. По оценкам Т. Нефедовой (Нефедова, 2016, с. 365), отношение численности летнего населения к сельскому населению региона составляет порядка 60% во Владимирской и Калужской, от 40 до 50% в Тверской, Тульской и Ярославской и от 30 до 40% в Псковской, Новгородской и Смоленской областях.

Что означает для сельских районов страны отмеченный процесс изменения фактической социальной структуры? Во-первых, происходит трансформация социально-экономических функций деревни (см.: Гусева, 2012). Производственная (точнее, сельскохозяйственная) функция вытесняется рекреационной и близко связанной с ней функцией обеспечения возможностей удаленной занятости. На рынке труда спрос на сельскохозяйственных рабочих уступает место спросу на строителей, электриков, специалистов по обслуживанию и ремонту домашней техники (в том числе компьютеров) и т.д. При этом в литературе подчеркивается взаимозависимость дачников и сельских жителей, их потребность друг в друге. Деревня, из которой ушло все постоянное население, лишается и дачников (Горожане в деревне, с. 25) – прежде всего потому, что некому оказывается присматривать за дачными домами в зимнее время. Для строительства и ремонта дач, поддержания необходимой социальной инфраструктуры и т.д. необходимы местные жители, приводящие в действие дачную экономику.

Во-вторых, увеличивается давление на местные бюджеты: при фактическом увеличении «подопечного» населения их налоговая база не увеличивается. На последнем моменте необходимо остановиться особо.

На первый взгляд, увеличение присутствия более обеспеченных горожан на сельских территориях Нечерноземья могло бы стать для этих районов фактором развития или даже спасения, учитывая развивающуюся там депопуляцию и угасание традиционного сельскохозяйственного производства, смещающегося в южные районы, лучше обеспеченные ресурсами. Особенно это касается не двух столичных областей, сравнительно успешно нашедших благодаря близости к мегаполисам свою нишу в современной экономике, но регионов-соседей.

В реальности, однако, усиление интенсивности дачной жизни в сельских районах обычно представляется для местных властей не источником развития, но бременем. Подоходный налог платится горожанами-дачниками по месту работы; идущие в сельские бюджеты налоги с дачной недвижимости (не всегда регистрируемой) невысоки. С другой стороны, расходы местных бюджетов из-за притока дачников заметно возрастают (вывоз мусора, поддержание местных дорог, услуги скорой помощи и т.д.). Дефицитные местные бюджеты обычно получают субсидии из региона, но эти субсидии рассчитываются, исходя из численности постоянного (имеющего постоянную регистрацию на данной территории) населения. Районные и тем более областные власти сезонное летнее население не воспринимают как свое и потому не заинтересованы в создании либо сохранении ориентированной на дачников инфраструктуры. Государственные органы «не видят» дачников.

В Таблице 4 представлены результаты анализа «видимой» и реальной бюджетной обеспеченности населения, фактически проживающего в сельских районах Владимирской области. Анализ проведен по данным за 2019 г., дабы избежать возможного искажения общей картины из-за специальных межбюджетных трансфертов в пандемийном 2020 г. Показатели собственных налоговых доходов и поступлений от вышестоящих бюджетов сельских

поселений (СП) агрегированы по районам области; сумма этих двух показателей рассматривается как общий доход бюджетов, при этом неналоговые доходы и прочие поступления в бюджет не учитывались в силу их несущественного размера. На основании численности зарегистрированных («видимых» государству) жителей рассчитаны соответствующие подушевые показатели (столбцы 4–6).

Для оценки числа фактически проживающих в СП Владимирской области вновь использованы данные областных программ газификации. Рассчитана агрегированная по районам численность зарегистрированного населения в подлежащих газификации сельских населенных пунктах; для сопоставимости эта численность, взятая по данным переписи 2010 г., приведена к 2019 г. путем умножения на коэффициент, характеризующий изменение населения районов по данным Росстата. Затем по данным о количестве домохозяйств, подлежащих газификации, путем умножения на среднюю по Владимирской области людность сельских домохозяйств (2,4) получена оценочная численность населения, фактически проживающего в газифицируемых сельских населенных пунктах, и сопоставлена с численностью зарегистрированного населения. Результаты сопоставления приведены в столбце 12: в самых популярных у дачников районах области (Александровском, Гороховецком, Камешковском и Киржачском) численность фактически проживающих и зарегистрированных («видимых») жителей отличается более чем втрое. Соответственно различаются формальная (столбцы 4–6) и фактическая (столбцы 13–15) подушевая бюджетная обеспеченность населения.

При этом на многих сельских территориях иного человеческого ресурса, чем дачники, может просто не оказаться. Дачное заселение – это часто если не единственный, то наверняка один из очень немногих реалистичных сценариев оживления нечерноземных сельских территорий европейской части России. Едва ли следует считать нормальной ситуацию, при которой люди фактически отчуждены от территории, на которой они проводят значимую часть своей жизни, не имея ни стимулов, ни возможностей влиять на ее обустройство.

Выход видится в том, чтобы заинтересовать друг в друге местные власти и дачников. Предлагается предусмотреть возможность расщепления платежей по НДФЛ: дать право при заполнении налоговой декларации направлять 10% своих платежей по НДФЛ в бюджет того района, где налогоплательщик имеет зарегистрированную на него недвижимость. На сегодняшнем уровне технологического оснащения ФНС создать простой и удобный для налогоплательщика механизм такого расщепления совсем не сложно, тем более что данные о недвижимости налогоплательщика есть именно у ФНС.

Данная мера позволит, не увеличивая общее налоговое бремя и не проводя слишком радикальных изменений в налоговом законодательстве, могущих подорвать финансовую устойчивость двух столиц, серьезно пополнить местные бюджеты. Помимо дачников, такой механизм затронул бы также работающих в крупнейших городах отходников, чьи семьи и недвижимость остаются в «бедных» регионах, а доходы они получают и налоги платят в регионах «богатых».

Таблица 4

Соотношение подушевых доходов бюджетов сельских поселений (СП) в расчете на зарегистрированных и фактически проживающих жителей на примере Владимирской области, тыс. руб.

№ п/п	Район Владимирской области	Число зарегистрированных жителей во всех сельских населенных пунктах района по данным Росстата на 01.01.20, человек	Подушевые доходы агрегированных бюджетов СП районов в 2019 г., рассчитанные исходя из численности зарегистрированных жителей на 01.01.20			Число зарегистрированных жителей в СП района из Программ газификации по данным переписи населения 2010 г., человек	Коэффициент приверженности численности населения СП к численности населения по данным Росстата	Агретированная по районам численность зарегистрированных жителей на 01.01.20	Агретированное по районам оценочное кол-во домохозяйств, подлежащих газификации по данным Программ газификации Владимирской области (2019–2023 гг. и 2021–2025 гг.), человек	Агретированное по районам оценочное число проживающих в подлежащих газификации СП человек	Коэффициент повышения оценочной численности фактически проживающих над оценочной численностью зарегистрированных жителей ст. 11 / ст. 9	Подушевые доходы агрегированных бюджетов СП районов в 2019 г., рассчитанные исходя из оценочной численности фактически проживающих		
			подушевые общие доходы	подушевые налоговые доходы	подушевые бюджетные трансферты							подушевые общие доходы	подушевые налоговые доходы	подушевые бюджетные трансферты
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Александровский	10 717	13.9	10.8	2.8	3 688	83.6%	3 082	3 895	9 348	3.03	4.6	3.6	0.9
2	Вязниковский	14 310	9.5	1.4	7.7	7 406	85.6%	6 343	4 032	9 677	1.53	3.1	0.5	2.5
3	Гороховецкий	7 981	5.3	1.2	3.4	283	89.3%	253	333	799	3.16	1.7	0.4	1.1
4	Гусь-Хрустальный	31 425	29.6	4.1	24.7	6 008	84.5%	5 079	2 225	5 340	1.05	9.7	1.4	8.1
5	Камешковский	16 362	11.2	2.5	8.1	1 650	93.6%	1 544	2 299	5 518	3.57	3.7	0.8	2.7
6	Киржачский	11 907	13.3	7.6	5.6	3 622	99.96%	3 620	5 175	12 420	3.43	4.4	2.5	1.9
7	Ковровский	23 893	15.8	3.9	11.2	2 050	97.4%	1 998	904	2 170	1.09	5.2	1.3	3.7
8	Кольчугинский	8 985	8.4	2.1	5.9	1 186	91.5%	1 085	905	2 172	2.00	2.8	0.7	1.9

Продолжение таблицы 4

9	Меленковский	18 723	14.3	2.4	11.8	4 193	89.3%	3 743	3 287	7 889	2.11	4.7	0.8	3.9
10	Муромский	15 512	7.6	2.0	5.5	572	95.1%	544	577	1 385	2.55	2.5	0.7	1.8
11	Пегушинский	13 292	11.9	9.4	1.6	2 559	92.8%	2 374	1 213	2 911	1.23	3.9	3.1	0.5
12	Селивановский	9 542	7.3	1.3	5.7	860	97.5%	839	317	761	0.91	2.4	0.4	1.9
13	Собинский	14 044	16.2	6.3	9.4	4 614	90.1%	4 159	3 236	7 766	1.87	5.3	2.1	3.1
14	Сулогодский	26 633	14.4	5.5	8.5	2 189	90.7%	1 986	1 869	4 486	2.26	4.8	1.8	2.8
15	Суздальский	34 162	15.5	7.0	7.6	1 892	101.5%	1 921	727	1 745	0.91	5.1	2.3	2.5
16	Юрьев-Польский	16 034	7.8	3.7	3.5	2 415	93.3%	2 253	1 785	4 284	1.90	2.6	1.2	1.2
	Итого:	273 522	201.8	71.2	122.9	45 187	-	40 823	32 779	78 670	-	66.5	23.5	40.5

Источники: Информация с официального сайта Департамента финансов Владимирской области. URL: <https://dtf.avо.ru/svedenia-ob-isroinienii-budzetov-vladimirskoj-oblasti-za-2019-god> (дата обращения: 04.04.2021);

Данные Росстата о численности постоянного населения по муниципальным образованиям. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 04.04.2021);

Информация с официального сайта Департамента ЖКХ Владимирской области. URL: https://jkx.avо.ru/gazosnabzenie-i-gazifikacia-naselennyh-punktov/-/document_library/0rG8E513RSSv/view_file/3378838?_com_liferay_document_library_web_portlet_DLPportlet_INSTANCE_0rG8E513RSSv_redirect=https%3A%2F%2Fjkx.avо.ru%3A443%2Fgazosnabzenie-i-gazifikacia-naselennyh-punktov%2F-%2Fdocument_library%2F0rG8E513RSSv%2Fview%2F3083405 (дата обращения: 04.04.2021);

https://jkx.avо.ru/gazosnabzenie-i-gazifikacia-naselennyh-punktov/-/document_library/0rG8E513RSSv/view_file/3547386?_com_liferay_document_library_web_portlet_DLPportlet_INSTANCE_0rG8E513RSSv_redirect=https%3A%2F%2Fjkx.avо.ru%3A443%2Fgazosnabzenie-i-gazifikacia-naselennyh-punktov%3Fp_p_id%3Dcom_liferay_document_library_web_portlet_DLPportlet_INSTANCE_0rG8E513RSSv%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-3%26p_p_col_count%3D2 (дата обращения: 04.04.2021);

Данные Росстата об итогах переписи населения 2010 г. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/itogi1612.htm;
http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 04.04.2021).

Предлагаемая добровольность расщепления НДФЛ преследует две цели. Во-первых, она сильно смягчает удар по бюджетам крупнейших городов: далеко не все имеющие право разделить свои налоговые платежи воспользуются этим правом. Во-вторых, она создает условия для диалога между местной властью и фактически проживающими на «ее» территории жителями – безотносительно к тому, где они зарегистрированы. У местной власти появляется стимул что-то просить у потенциальных налогоплательщиков и, соответственно, что-то предлагать им взамен. В таком диалоге, в появлении у местной власти реальной возможности привлечь ресурсы путем учета интересов налогоплательщиков видится важнейший механизм саморазвития территорий, механизм улучшения жизни людей.

Первым шагом к реализации описанного механизма мог бы стать пилотный проект – двух- или трехлетний налоговый эксперимент, охватывающий Москву и соседние с ней области. Такой эксперимент позволит оценить реальные масштабы перетока средств между бюджетом мегаполиса и местными бюджетами в окружающих его регионах, а также готовность местных властей к эффективному использованию дополнительных средств. Важно также перед распространением возможности расщепления платежей по НДФЛ на всю страну отдельно проанализировать влияние «фактора дачников» и «фактора отходников», поскольку роль этих факторов в разных регионах России очень сильно отличается. Географический охват налогового эксперимента – Москва и соседние области – позволит количественно оценить оба явления, поскольку Москва является для этих регионов основным рынком труда для отходников и одновременно основным «поставщиком» дачников.

В перспективе можно представить несколько направлений развития предлагаемой меры. Во-первых, введение в практику регистрируемых в ФНС налоговых соглашений потенциальных плательщиков с местной властью, суть которых – гарантированная стабильность налоговых поступлений в местный бюджет, скажем, на пять лет, в обмен на согласованные с плательщиками целевые бюджетные инвестиции. Без такой стабильности местной власти сложно планировать сколько-нибудь серьезные мероприятия.

Во-вторых, использование средств дачников позволит местным властям в сельских районах активизировать механизм инициативного бюджетирования. Законодательство позволяет гражданам предлагать местным властям проекты по благоустройству территории – при условии, что граждане готовы своими деньгами поддержать их реализацию. По понятным причинам привлечение средств дачников сильно увеличивает вероятность использования этого механизма.

В-третьих, возможно распространение предложенной схемы не только на сельскую местность, но и на небольшие города: там много красивых старых особняков и удобных мест для строительства современных частных домов, которыми в условиях удаленной занятости могут заинтересоваться обеспеченные жители столиц – если существует реальный шанс повысить за счет их налогов уровень городской среды пусть не до столичного, но хотя бы до приемлемого уровня. Судя по имеющейся информации, в этом направлении идет развитие города Плес в Ивановской области.

Мерой, политически подкрепляющей предлагаемый механизм, видится предоставление владельцам недвижимости на данной территории, платящим в ее бюджет часть своего подоходного налога, права избирать и быть избранными на местных выборах. Постоянно проживающие на сельской территории дачники вполне могут оказаться кадровым резервом для местного самоуправления.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что речь идет не об «исходе из городов», массовом возвращении к сельской жизни и других грандиозных футурологических перспективах, а о гораздо более приземленных вещах. В силу отечественных социально-экономических реалий (сложившийся тип расселения, структура и размеры собственности на недвижимость, уровень доходов) развитие удаленной занятости с большой вероятностью приведет к тому, что соотношение времени, проводимого россиянином в «первом» (городская квартира) и «втором» (дача) доме, сместится в сторону «второго дома», дачи. Это будет иметь серьезные последствия для территорий, на которых расположены «вторые дома». Представляется, что имеет смысл подготовиться к этим последствиям и постараться использовать формирующийся тренд для обустройства жизни на этих территориях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. – 2016. – № 1. – С. 103–128.
2. Бурдяк А. Субурбанизация в России: решает ли дача жилищный вопрос? // Экономическая политика. – 2013. – № 2. – С. 82–96.
3. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества: коллективная монография / сост. и науч.ред. В.И. Ильин и Н.Е. Покровский. – М.: Университетская книга, 2016.
4. Гусева Е.С. Трансформация функций сельской местности Подмосковья за 20 лет рыночных преобразований // Региональные исследования. – 2012. – № 2. – Т. 36. – С. 47–58.
5. Зиятдинов З.З. Транснациональность явления «второе жилище» // Градостроительство. – 2014.– № 3. – Т. 31. – С. 44–52.
6. Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России // Вестник Московского университета. Сер. 5 географическая. – 2015. – № 4. – С. 59–68.
7. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Пространственные тенденции социально-экономического развития Московской агломерации // Территория и планирование. – 2012. – № 4. – Т. 40. – С. 18–34.

8. Михеева З.А. Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. – СПб, 2012.
9. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: Ленанд, 2014.
10. Нефедова Т.Г. и др. Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г.Нефедовой, К.В.Аверкиева, А.Г.Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016.
11. Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 60–69.
12. Покровский Н.Е. Общественная кампания за возрождение внегородских территорий: мифы, реальность и перспективы. Материалы XXI апрельской конференции НИУ ВШЭ 2020 года. – М., 2020.
13. Розинская Н.А., Розинский И.А. Юго-западный вектор: климатический фактор социально-экономического развития России // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 122–135.
14. Розинский И.А. 2020. Время Теплороссии: как пандемия подстегнет миграцию населения на юг страны. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/403127-vremya-teplorossii-kak-pandemiya-podstegnet-migraciyu-naseleniya-na-yug-strany> (дата обращения: 4.04.2021).
15. Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. География. – 2014. – № 4. – С. 22–32.
16. Bick A., Blandin A., Mertens K. Work from Home After the COVID-19 Outbreak. Federal Reserve Bank of Dallas Working Paper 2017. June 2020.
17. Caldwell M. *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, Los Angeles. L. 2011.
18. Dingel J.I., Neiman B. How Many Jobs Can Be Done at Home? NBER Working Paper № 26948. NBER. 2020.
19. Garrote Sanchez D., Gomez Parra N., Ozden C., Rijkers B., Viollaz M., Winkler H. Who on Earth Can Work from Home? World Bank Policy Research Working Paper № 9347. World Bank. 2020.
20. Gottlieb Ch., Grobovsek J., Poschke M. Working from Home across Countries. Cahiers de recherche 07-2020. Centre interuniversitaire de recherche en économie quantitative. CIREQ. 2020.
21. Hatayama M., Viollaz M., Winkler H. 2020. Jobs' Amenability to Working from Home. World Bank Policy Research Working Paper № 9241. World Bank. 2020.
22. Lowell S. *Summerfolk. A History of the Dacha, 1710-2000*. Ithaka. L. 2003
23. McKinsey Global Institute. What's next for remote work: An analysis of 2,000 tasks, 800 jobs and nine countries. By Susan Lund, Anu Madgavkar, James Manyika, and Sven Smit. November 2020.
24. World Economic Forum. October 2020. The Future of Jobs. Report 2020.

“DACHA PROSPECT” OF REMOTE WORKING

Nataliya A. Rogozinskaya

Ph.D. (in Economics), Associate Professor,
Department of the History of the National Economy
and Economic Studies, Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University.
Address: 1–46, Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russian Federation.
E-mail: rozinskaya@econ.msu.ru

Ivan A. Rogozinskiy

Doctor of Economic Sciences,
Lomonosov Moscow State University.

Abstract

Transformation of technological processes in many industries, and growth of remote working in particular, speeded up in 2020 by quarantine measures, is most evident in largest cities of the world. Russia is not an exception, with Moscow being the example of this process going-on intensively. Authors argue that due to Russian socio-economic realities (an established settlement system, the structure and the size of property ownership, the income level) the development of remote working in Russia will most likely lead to an increase in time spent by Russians in their “second homes” (dachas). Data supporting the hypothesis of the “shift to dachas” are provided. The article is devoted to factors contributing to such a shift, with special emphasis made on real consequences of the government policy. Analysis made by the authors using the data from Vladimir region shows that state-sponsored rural areas development programs lead to more intensive use of dachas in those areas. At the same time depopulation of rural areas continues regardless of government efforts, and pressure on local budgets increases. Based on the conducted analysis, authors formulate policy proposals on how to use the noticed trend in order to boost the regional development. Main idea is to make it possible for taxpayers to split their income tax payments between budgets of territories, where real estate objects belonging to them are located.

Keywords: remote working; seasonal migration; regional economy.

JEL: H31; R14; R23

Citation: Rozinskaya, N.A. & Rogozinskiy, I.A. (2021). “Dachnaya Perspektiva” Udalenoj Zanyatosti [“Dacha Prospect” of Remote Working]. *Public Administration Issues*, no 2, pp. 87–106 (in Russian).

REFERENCES

1. Averkieva, K.V. & Nefedova, T.G. (2016). Dachnaya «kolonizatsiya» rossiyskoy glubinki. Primer Kostromskoi oblasti [Dacha «Colonization» of the Russian Hinterland. An Example of the Kostroma Region]. *Universe of Russia*, no 1, pp. 103–128.

2. Burdyak, A. (2013). Suburbanizatsiya v Rossii: reshaet li dacha zhilishchnyi vopros? [Suburbanization in Russia: Does Dacha Solve the Housing Issue?]. *Economic Policy*, no 2, pp. 82–96.
3. Il'in, V. & Pokrovskiy, N. (2016). *Kniga Gorozhane v derevne. Sotsiologicheskie issledovaniya v rossiiskoi glubinke: dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva. Kollektivnaya monografiya*. Ed. by: V.I. Il'in, N.E. Pokrovsky. [Citizens in the Village. Sociological Research in the Russian Outback: Deurbanization and Rural-Urban Communities: The Monograph]. Moscow: Universitetskaya kniga.
4. Guseva, E.S. (2012). Transformatsiya funktsii sel'skoi mestnosti Podmoskov'ya za 20 let rynochnykh preobrazovaniy [Transformation of the Function of the Countryside in the Moscow Region over 20 Years of Market Transformation]. *Regional Studies*, no 2, vol. 36, pp. 47–58.
5. Ziyatdinov, Z.Z. (2014). Transnatsional'nost' yavleniya «vtoroe zhilishche» [Transnationality of the Phenomenon of «Second Home»]. *City and Town Planning*, no 3, vol. 31, pp. 44–52.
6. Makhrova, A.G. (2015). Sezonnaya suburbanizatsiya v regionakh Rossii [Seasonal Suburbanization in the Russian Regions]. *Moscow University Herald. Geography*, no 4, pp. 59–68.
7. Makhrova, A.G., Nefedova, T.G. & Treivish, A.I. (2021). Prostranstvennye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Moskovskoi aglomeratsii [Spatial Trends in the Socio-Economic Development of the Moscow Agglomeration]. *Territory and Planning*, no 4, vol. 40, pp. 18–34.
8. Mikheeva, Z.A. (2012). *Suburbanizatsiya kak instrument resheniya zhilishchnoi problemy Sankt-Peterburga i Leningradskoi oblasti* (Ph.D. Thesis) [Suburbanization: An Instrument of Solving Housing Problem in St.Petersburg and Leningrad Oblast]. St.-Petersburg.
9. Nefedova, T.G. (2014). *Desiat' aktual'nykh voprosov o sel'skoy Rossii: Otvety geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia: Geographer's Answers]. Moscow: Lenand.
10. Nefedova, T.G. et al. (2016). *Mezhdum domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and ... Home. Reversible Spatial Mobility of the Population of Russia]. Eds: T.G. Nefedova, K.V. Averkiev, A.G. Mahrova. Moscow: Novyy Hronograf.
11. Nefedova, T.G., Pokrovskii, N.E. & Treivish, A.I. (2015). Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva v usloviyakh rosta gorizontally mobil'nosti [Urbanization, De-Urbanization and Rural-Urban Communities in the Face of Growing Horizontally and Mobility]. *Sociological Studies*, no 12, pp. 60–69.
12. Pokrovskiy, N.E. (2020). Obshchestvennaya kampaniya za vozrozhdenie vnegorodskikh territorii: mify, real'nost' i perspektivy [Public Campaign for the Revival of Out-of-City Territories: Myths, Reality and Prospects]. *Proceedings of the XXI April Conference of the National Research University Higher School of Economics in 2020*. Moscow: HSE.
13. Rozinskaya, N. & Rozinskiy, I. (2019) Jugo-zapadnyy vektor: klimaticheskii faktor social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Southwest Vector: Climatic Factor of Socio-Economic Development of Russia]. *Voprosy ekonomiki*, no 5, pp. 122–135.
14. Rozinskiy, I. (2020). *Vremia Teplorossii: kak pandemiya podstegnet migratsiyu naseleniya na yug strany* [Warmer Russia's Time: How Pandemic Will Speed up Migration to the South of Russia]. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/403127-vremya-teplorossii-kak-pandemiya-podstegnet-migratsiyu-naseleniya-na-yug-strany> (accessed: 17 January 2021).

15. Treyvish, A. I. (2014) «Dachevedenie» kak nauka o vtorom dome na Zapade i v Rossii [«Dacha» as a Science of the Second House in the West and in Russia]. *Izvestiya RAN. Ser. Geografiya*, no 4, pp. 22–32.
16. Bick, A., Blandin, A. & Mertens, K. (2020). *Work from Home After the COVID-19 Outbreak*. Federal Reserve Bank of Dallas Working Paper 2017.
17. Caldwell, M. (2011). *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. Los Angeles, L.: Berkeley.
18. Dingel, J. & Neiman, B. (2020). *How Many Jobs Can Be Done at Home?* NBER Working Paper N 26948. NBER.
19. Garrote Sanchez, D., Gomez Parra, N., Ozden, C., Rijkers, B., Viollaz, M. & Winkler, H. (2020). *Who on Earth Can Work from Home?* World Bank Policy Research Working Paper N 9347, World Bank.
20. Gottlieb, Ch., Grobovsek, J. & Poschke, M. (2020). *Working from Home across Countries*. Cahiers de recherche 07-2020. Centre interuniversitaire de recherche en economie quantitative, CIREQ.
21. Hatayama, M., Viollaz, M. & Winkler, H. (2020). *Jobs' Amenability to Working from Home*. World Bank Policy Research Working Paper N 9241, World Bank.
22. Lund, S., Madgavkar, A., Manyika, J. & Smit, S. (November 2020). *What's Next for Remote Work: An Analysis of 2,000 Tasks, 800 Jobs and Nine Countries*. McKinsey Global Institute.
23. Summerfolk, L. (2003). *A History of the Dacha, 1710-2000*. Ithaka, L.
24. World Economic Forum (October 2020). *The Future of Jobs Report 2020*.